

Библейско-богословская коллекция

**Патрологическая серия
Богословские исследования**

Троицкий С.В.

**УЧЕНИЕ
СВ. ГРИГОРИЯ,
ЕП. НИССКОГО,
ОБ ИМЕНАХ БОЖИИХ
И «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ»
ПОКЛОНЕНИЕ**

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Ученіе св. Григорія Нисскаго объ именахъ Божіихъ и „относительное“ поклоненіе.

Въ «Итогахъ жизни» (№ 12 — 13) по поводу моей книги: «Объ именахъ Божіихъ и имябожникахъ» помѣщена статья г. С. Булгакова: «Смыслъ ученія св. Григорія Нисскаго объ именахъ». Г. Булгаковъ находитъ, что ученіе св. Григорія въ моей книгѣ излагается и противопоставляется ученію имябожниковъ «съ большою обстоятельностью, трудолюбіемъ и кажущейся убѣдительностью»; а затѣмъ доказываетъ, что на самомъ дѣлѣ у св. Григорія нельзя найти опроверженія ученія имябожниковъ. Это утвержденіе г. Булгакова совершенно невѣрно и получаетъ «кажущуюся убѣдительность» лишь потому, что онъ, съ одной стороны, невѣрно судитъ объ ученіи св. Григорія и невѣрно излагаетъ сущность ученія имябожниковъ, а съ другой, почему-то совершенно игнорируетъ основную мысль моей книги.

Прежде всего г. Булгаковъ стремится подорвать авторитетность св. Григорія, указывая на то,

что въ полемикѣ онъ иногда впадалъ въ односторонность, кажущееся или дѣйствительное противорѣчіе и что поэтому въ текстуральномъ пользованіи отдѣльными его выраженіями надо блюсти немалую осторожность. Это предупрежденіе въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстно, такъ какъ ученія объ именахъ св. Григорій касается не въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, а посвящаетъ ему цѣлыя книги, и притомъ ученіе это настолько связно, стройно и послѣдовательно, что говорить о какихъ-то случайныхъ обмолвкахъ не приходится. Въ примѣчаніи г. Булгаковъ пытается подрвать авторитетность св. Григорія напоминаніемъ объ его ученіи объ апокатастасисѣ. «Тѣмъ, кто отстаиваетъ каждое сужденіе св. Григорія въ частности и въ гносеологическихъ вопросахъ, пишетъ онъ, пришлось бы принять и столь существенное для него ученіе, какъ о всеобщемъ возстановленіи». Но во-первыхъ, никакой связи между гносеологіей св. Григорія и его своеобразной эсхатологіей не существуетъ, а потому, принимая первую, можно не принимать вторую, а во вторыхъ, въ своей книгѣ я все время сопоставляю его ученіе съ ученіемъ другихъ отцовъ Церкви и прихожу къ выводу, что въ данномъ случаѣ св. Григорій былъ выразителемъ ученія общецерковнаго.

Далѣе г. Булгаковъ пытается найти нѣкоторое противорѣчіе въ ученіи св. Григорія объ именахъ. Но это противорѣчіе, дѣйствительно, только «кажущееся». Г. Булгаковъ въ мысли св. Гри-

горія, что всѣ имена созданы человѣческимъ измышленіемъ, находитъ кантіанство «съ его совершенно неприемлемымъ для православія выводомъ, что никакое положительное вѣдѣніе о Богѣ, никакое Его откровеніе о Себѣ (кромѣ нравственнаго закона) не можетъ быть высказано на человѣческомъ языкѣ», а, съ другой, находитъ у него противорѣчація этому выраженія, указывающія на реальную связь между словомъ и предметомъ. Абсолютно никакого противорѣчія здѣсь нѣтъ, ибо св. Григорій эту реальную связь между предметами и ихъ именами видитъ не внѣ человѣка, а въ самомъ человѣкѣ, въ этой же творческой способности его, въ той же силѣ измышленія, которая создала и самыя имена. Онъ вовсе не заподозриваетъ истинность «измышленія» подобно Канту, ставящему подъ подозрѣніе «теоретическій разумъ», и не отождествляетъ субъективности съ нерсальностью, а, наоборотъ, начинаетъ съ заявленія о томъ, что «измышленіе» вложено въ нашу душу Божественнымъ Промысломъ (VI, 337), что, по его мысли, и является ручательствомъ соотвѣтствія именъ предметамъ, ибо способность, вложенная въ насъ Творцомъ предметовъ, не можетъ въ своемъ нормальномъ состояніи давать намъ ложныя понятія о нихъ. Такимъ образомъ, сравненіе ученія св. Григорія Нисскаго объ именахъ съ кантіанствомъ совершенно неудачно. Если уже искать аналогій ученію св. Григорія въ новой философіи, то всего ближе къ нему будетъ гносеологія Декарта, находившаго

въ идеѣ истинности Бога, Создателя и законовъ мышленія и законовъ бытія, высшее ручательство достовѣрности нашего познанія. Кантіанцемъ скорѣе можно счесть Евномія, ибо Евномій скептически относился къ способности измышленія и не считалъ возможнымъ приписать ей созданіе именъ Божіихъ. Неправильно приписываетъ г. Булгаковъ св. Григорію ту кантіанскую, по его мнѣнію, мысль, будто никакое Откровеніе Божіе не можетъ быть *высказано* на человѣческомъ языкѣ. Св. Григорій высказываетъ лишь ту мысль, что откровеніе Божіе не можетъ быть *адекватно выражено* на человѣческомъ языкѣ, какъ созданіи, хотя и богодарованной, но все же ограниченной способности человѣка, а мысль, что всѣ слова св. Писанія являются лишь символомъ Божественной Истины, не только нельзя назвать неприемлемой для православія, а нужно признать истиннымъ ученіемъ православія, никогда не обожествлявшаго словъ св. Писанія, что встрѣчается, напр., даже у лютеранъ.

Очень неудачна ссылка г. Булгакова на упоминаніе св. Григорія о «подобноименности человѣческаго съ вѣчнымъ», какъ на свидѣтельство его ученія о реальной связи между словомъ и предметомъ. «Подобноименностью», гомониміей называется тождество лишь по имени, предметовъ различныхъ между собою, и никакой реальной связи между ними понятіемъ подобноименности не предполагается.

Упрекъ, дѣлаемый г. Булгаковымъ, будто въ

моемъ изслѣдованіи лишь внѣшне сопоставлены отдѣльныя слова и выраженія св. Григорія безъ философскаго анализа и взаимной (?) провѣрки несправедливъ, ибо, повторяемъ, дѣло идетъ въ книгѣ не объ отдѣльныхъ словахъ, а о цѣлостномъ, систематически изложенномъ ученіи св. Григорія, въ которомъ каждая мысль внутренне связана съ другой, единственный путь убѣдиться въ этомъ—посмотрѣть самую книгу, не полагаясь на голословное утвержденіе г. Булгакова, опровергаемое притомъ другими рецензентами книги ¹⁾).

Переходя отъ изложенія ученія св. Григорія объ именахъ вообще къ его ученію объ именахъ Божіихъ, г. Булгаковъ говоритъ прежде всего, что «спеціально объ имени Иисусъ мы не имѣемъ сужденій, которыя давали бы отвѣтъ на современные вопросы имеславія», а въ примѣчаніи приводитъ выясненныя въ нашей книгѣ слова св. Григорія, касающіяся этого имени, и замѣчаетъ, что «при желаніи это мѣсто можетъ быть истолковано и въ томъ и въ другомъ смыслѣ». Здѣсь справедливо лишь то, что св. Григорій не находитъ основаній выдѣлять имя «Иисусъ» изъ ряда другихъ именъ Божіихъ, а такъ какъ онъ говоритъ о всѣхъ именахъ Божіихъ и иногда подчеркиваетъ, что *ни одно* имя Божіе не можетъ быть исключеніемъ изъ тѣхъ общихъ положеній, которыя онъ устанав-

¹⁾ Напр. А. Столыпиннымъ въ „Новомъ Времени“, проф. А. Бронзовымъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, анонимнымъ рецензентомъ въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“.

ливаеть, то ясно, что сужденія его объ именахъ Божіихъ относятся и къ имени «Иисусъ». Да и сами имябожники выдѣляли имя «Иисусъ» лишь вначалѣ, а потомъ стали приравнивать къ этому имени и обожествлять и всѣ другія имена Божія. Но и помимо того, тѣ выраженія, которыя встрѣчаются у св. Григорія относительно имени «Иисусъ», достаточно ясно опровергаютъ ученіе имябожниковъ. Тогда какъ имябожники считаютъ это имя предвѣчнымъ именемъ Сына Божія, св. Григорій говоритъ, что оно дано Сыну Божію лишь при воплощеніи (VI, 57—58), почему онъ и называетъ это имя «человѣческимъ» (VI, 62, 64, 65 и др.). Что Св. Григорій не называетъ имени «Иисусъ» «именемъ выше всякаго имени», какъ утверждаютъ имябожники, и что допускаеть, повидимому, г. Булгаковъ—это достаточно выяснено въ нашей книгѣ. Св. Григорій ясно говоритъ, что здѣсь «нельзя разумѣть *какое-либо одно* (имя), среди другихъ предпочтенное, но то, что подлинно Сущій выше *всякаго имени*» (VI, 224).

Въ ученіи св. Григорія Нисскаго объ именахъ г. Булгаковъ находитъ явное противорѣчіе,—съ одной стороны приближеніе къ алогизму или даже антилогизму, а съ другой — мистическое отношеніе къ именамъ Божіимъ, почитаніе которыхъ онъ, наряду съ таинствами, считаетъ существенной принадлежностью православія». «Я не знаю, заявляетъ г. Булгаковъ какъ можно связать это категорическое требованіе почитанія именъ Божіихъ у св. Григорія

съ нѣкоторыми уклонами его гносеологіи и можно ли вообще это сдѣлать».

Мнѣ представляется, что г. Булгаковъ, просто не дочиталъ моей книги, о которой пишеть, иначе этихъ строкъ онъ никогда не написалъ бы. Прежде всего, никакого антилогизма у св. Григорія нѣтъ, какъ нѣтъ ни кантіанства, ни скептицизма. Онъ лишь отказывается придавать слову значеніе абсолютной цѣнности, придававшееся ему Евноміемъ, а считаетъ его лишь пособіемъ, необходимымъ для познанія и взаимообщенія тварныхъ и ограниченныхъ существъ.

«Подозрительное отношеніе св. Григорія къ слову пишеть г. Булгаковъ, сказывается въ рядѣ его сужденій, въ томъ, напр., мѣстѣ, гдѣ онъ усиливается доказать, что въ рассказѣ о сотвореніи міра слово Божіе надо понимать лишь какъ волю. Но какъ же совмѣстить это ученіе съ откровеніемъ о Богѣ-Словѣ, о которомъ сказано: «вся тѣмъ быша?» Стремясь углубить пропасть между Словомъ и словами и старательно подчеркивая всю временность и условность ихъ словесной плоти, св. Григорій, какъ будто, лишаетъ эту плоть всякаго духа, отдѣляетъ внѣшнія слова отъ внутренняго Слова и рѣшительно не находитъ никакого соотношенія между Словомъ и словами. Вѣдь на основаніи этихъ мыслей можно придти къ выводу, что въ мірѣ нѣтъ мѣста самому Слову».

Эта своеобразная критика ученія св. Григорія, обнаруживающая отсутствіе у самого

критика самых элементарных богословских знаний, есть в сущности критика общецерковнаго ученія, такъ какъ въ данномъ мѣстѣ св. Григорій говоритъ лишь то, что говорятъ и всѣ Отцы церкви. Сынъ Божій есть одно изъ лицъ Святой Троицы и различіе между Нимъ и другими лицами Св. Троицы состоитъ только въ томъ, что Онъ предвѣчно рождается отъ Отца. Сей же Самый Сынъ Божій называется Словомъ для того, чтобы обозначить безстрастность Его рожденія. Одинаковость названія Сына Божія съ словомъ человѣческимъ не должна, по святоотеческому ученію, вводить въ соблазнъ дѣлать заключенія о подобіи Сына Божія слову человѣческому. Та пропасть, между словами и Словомъ, которая, по мнѣнію г. Булгакова, углубляется только у св. Григорія, не менѣе глубока и у другихъ св. отцовъ. Относящіяся сюда выдержки можно найти въ нашей книгѣ на стр. 26—27 въ примѣчаніи. Несправедливо обвиняетъ г. Булгаковъ св. Григорія, будто онъ лишаетъ плоть слова всякаго духа. Говоря о словѣ, св. Григорій говоритъ не объ однихъ звукахъ, а и о выражаемой въ нихъ мысли, а иногда говоритъ и объ одной мысли, но и ее онъ не находитъ возможнымъ обожествлять. Но, вѣдь, то же самое говорятъ и другіе отцы Церкви. «Дабы кто не почелъ Его (Слово) словомъ только произносимымъ или *мысленнымъ*», пишетъ на примѣръ Златоустъ, для этого прибавленіемъ члена (б) и другимъ выраженіемъ («къ Богу») устранена и такая мысль».

(VIII, 26). Обожествлять мысль такъ же нельзя, какъ обожествлять волево́й актъ человѣка или чувство. «На основаніи этихъ мыслей (св. Григорія), пишетъ господинъ Булгаковъ, можно придти къ мысли, что въ мірѣ, созданномъ Словомъ Божиимъ, нѣтъ мѣста самому Слову». Какимъ образомъ можно придти къ такой мысли, совершенно не ясно. Не ясно, о какомъ «мѣстѣ» говоритъ г. Булгаковъ. Если о пространственномъ, то пространственныя опредѣленія не приложимы къ Слову, какъ Богу. Если о проявленіи силы Слова въ мірѣ, то сила эта проявлялась и тогда, когда не было ни людей, ни словъ.

Что св. Григорій училъ почитанію именъ Божіихъ, объ этомъ говорится и въ моей книгѣ и при томъ съ еще большею подробностью, чѣмъ въ статьѣ г. Булгакова (см. стр. 45—46), но вмѣстѣ съ тѣмъ въ книгѣ выясняется полное отсутствіе противорѣчія между этимъ ученіемъ св. Григорія и его гносеологіей. Столь смущающее г. Булгакова противорѣчіе находитъ себѣ разъясненіе въ установленномъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, этой «Омегѣ» вселенскихъ соборовъ, по пророческому (по крайней мѣрѣ для извѣстной эпохи), выраженію его предсѣдателя, ученію объ «относительномъ» поклоненіи. Въ этомъ ученіи богословская мысль восточной Церкви въ ея высшемъ напряженіи нашла возможность примирить въ точной формулѣ и то сосредоточеніе и напряженіе религіознаго чувства, которое даетъ монотеизмъ, и богатство формъ культа, тогда какъ западная

Церковь еле удержалась отъ впаденія въ магометанскую узость, а впоследствии въ протестантствѣ все же впаала въ нее. По этому ученію объектомъ религіознаго почитанія могутъ быть и предметы, созданные человекомъ, если они поставлены имъ въ мысленную связь съ Богомъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ эти предметы являются символами, образами Бога и поклоненіе черезъ нихъ воздается Самому Богу. Таковъ смыслъ ученія седьмого вселенскаго собора объ иконопочитаніи. Безспорно, что цѣлью работъ собора было формулированіе церковнаго ученія собственно объ одномъ изъ видовъ неодушевленныхъ, созданныхъ людьми образовъ Божіихъ, живописныхъ иконъ, ибо только почитаніе этого вида образовъ или иконъ подвергалось нападкамъ. Но несомнѣнно и то, что какъ самый соборъ, такъ и творенія святыхъ отцовъ, положенныя въ основу его опредѣленій, исходили изъ болѣе широкаго пониманія термина «икона», разумѣя подъ нимъ всякое изображеніе Бога, красками или звуками безразлично. Если свести разсужденія собора къ одному силлогизму, то онъ выльется въ такой формѣ:

Большая посылка: Всѣ изображенія Бога достойны относительнаго поклоненія.

Меньшая посылка: Живописныя иконы суть изображенія Бога.

Заключеніе. Слѣдовательно онѣ достойны относительнаго поклоненія.

Поэтому-то соборъ неоднократно сравниваетъ

св. иконы со словами св. Писанія, какъ достойныя одинаковаго поклоненія, и св. Іоаннъ Дамаскинъ прямо пишетъ: «четвертый видъ иконъ суть книги священнаго Писанія». Но если иконы служатъ предметомъ поклоненія, какъ символы, то вопросъ объ ихъ происхожденіи отстуетъ на второй планъ, ибо символъ самъ по себѣ можетъ не имѣть и ничего общаго съ тѣмъ, что онъ обозначаетъ, и стоять лишь въ условной связи съ нимъ.

И вотъ, если стать на точку зрѣнія седьмого вселенскаго собора, то гносеологія и мистика св. Григорія будутъ вполне гармонировать другъ съ другомъ. Имена Божіи достойны относительнаго поклоненія, какъ самый первый и самый обычный изъ неодушевленныхъ образовъ Божіихъ, хотя они, какъ и иконы, созданы человѣческимъ творчествомъ и хотя они такъ же, какъ и иконы, не являются адекватнымъ выраженіемъ Своего Первообраза. Какъ не препятствуетъ мистическому отношенію къ иконамъ знаніе ихъ человѣческаго происхожденія, такъ не мѣшаетъ оно мистическому отношенію и къ именамъ Божіимъ.

Такимъ образомъ, ключъ къ разрѣшенію мнимаго противорѣчія между гносеологіей и мистикой св. Григорія лежитъ въ опредѣленіи 7 вселенскаго собора, и для меня совершенно непонятно, почему г. Булгаковъ игнорируетъ эту основную мысль моей книги. Если онъ не согласенъ съ ней, онъ долженъ бы это сказать и мотивировать свое несогласіе.

Единственное объясненіе такого игнорированія можно видѣть въ томъ, что, приведи онъ эту мысль, и всѣ заключительные выводы его статьи падутъ, какъ карточный домикъ. Въ противоположность моему утвержденію, что ученіе имябожниковъ является вторымъ изданіемъ ученія Евномія, онъ рѣшается утверждать, что «если откинуть неудачныя выраженія, понятныя при общей филозофской безпомощности имеславцевъ и подающія поводъ къ такимъ сближеніямъ, то по существу дѣла между имеславіемъ и евноміанствомъ не существуетъ никакого сходства». Но я писалъ не объ имеславіи, а объ имябожии. Что имя Божіе нужно славить, объ этомъ говорятъ и церковные акты, осудившіе имябожіе, и потому имяславіе есть ученіе вполне православное, каковое выясняетъ и св. Григорій Нисскій. Имябожіе начинается тогда, когда ставится вопросъ относительно выясненія причины и образа почитанія именъ Божіихъ; другими словами, начинается тогда, когда кончается містика, и начинается догматика. И имябожники, начиная съ отрицанія одинаковости значенія именъ Божіихъ съ иконами, волей неволей вынуждены усматривать эту причину въ самой природѣ именъ Божіихъ и такимъ образомъ, хотя и съ другой стороны, но все же вступать въ путь, уже намѣченный ранѣ Евноміемъ и учить подобно Евномію, что всѣ имена Божіи объективно нераздѣльно соединены съ Богомъ, вѣчны, какъ и Самъ Богъ, и, будучи Его энергіей, выражаютъ Его сущ-

ность. Съ нашими сопоставленіями словъ самихъ имябожниковъ съ ученіемъ Евномія, воочію доказывающими это сходство, г. Булгаковъ раздѣляется очень просто, объявляя слова эти слѣдствіемъ «философской безпомощности» ихъ авторовъ. Но это вовсе не случайныя обмолвки, а самое зерно ихъ ученія. Если сравненіе именъ Божіихъ съ иконами имябожники отвергаютъ, то единственный путь къ объясненію достопоклоняемости ихъ лежитъ въ обожествленіи именъ, въ возвышеніи ихъ до уровня или энергіи Божіей или какого-то третьяго естества въ Иисусѣ Христѣ. Неправду пишетъ г. Булгаковъ, когда заявляетъ, будто, по ученію имябожниковъ, энергія Божія лишь «присуца имени Божію». Нѣтъ, по ихъ ученію имени Божію не присуца лишь энергія Божія, ибо это можно сказать и о св. крестѣ и объ иконахъ, а имя Божіе есть самая энергія Божія. И такое обожествленіе нашего слова, конечно, есть такой же рационализмъ, какимъ было и ученіе Евномія. Очень жаль, что г. Булгаковъ не говоритъ прямо, какія выраженія имябожниковъ онъ считаетъ ихъ случайными обмолвками. Если бы онъ это сдѣлалъ, то несомнѣнно имябожники стали бы протестовать противъ своего защитника, ибо даже основную формулу ихъ: «имя Божіе есть самъ Богъ», г. Булгакову пришлось бы счесть обмолвкой, такъ какъ, если сила Божія только присуца имени Божію, то значитъ, само по себѣ имя Божіе не есть Богъ. И если бы г. Булгаковъ вмѣсто того, чтобы критиковать

нашъ трудъ и учене св. Григорія Нисскаго, выполнилъ эту работу, онъ принесъ бы гораздо болѣе пользы для выясненія истины.

Г. Булгаковъ въ качествѣ аргумента за имябожниковъ выставляетъ то обстоятельство, что они различаютъ плоть слова («слова (слоги?) и звуки»), измѣнчивое, эмпирическое въ словѣ и внутреннее слово, собственно *имя*, воплощенное въ словѣ». «И сыновъ твоихъ покажетъ мысли ясной благодать», припоминается стихъ Хомякова при чтеніи этой фразы. Что такое это внутреннее слово или собственно *имя*», повидимому, и самъ г. Булгаковъ ясно не представляетъ. По ясной и правильной мысли, св. Григорія, всякое имя состоитъ изъ звуковъ (произносимыхъ или мысленныхъ) и мысли въ нихъ выражающейсѣ. Поэтому имя безъ звуковъ быть не можетъ. Имя безъ звуковъ уже не есть имя, а есть чистая мысль. И если бы имябожники (и ихъ защитники) не имѣли въ виду говорить и о звукахъ, они должны бы говорить о мысли, а слово «имя» не употреблять. На самомъ же дѣлѣ, какъ выяснено въ нашей книгѣ, подъ «именемъ» имябожники разумѣютъ дѣйствительно наименованіе, «членораздѣльное слово» (Апология, 177), т. е. не только мысль, но и буквы, ее выражающія, а отъ буквъ и звуковъ отрицаются лишь въ цѣляхъ облегченія апологій своего ученія (см. «Объ именахъ Божіихъ», стр. 70—72).

Г. Булгаковъ усматриваетъ различіе между евноміанствомъ и имябожіемъ въ томъ,

что евноміане отрицали божество второй Ипостаси, а имябожники ее признають, но, во-первыхъ, это не относится къ вопросу объ именахъ Божіихъ, во-вторыхъ, аріанская тенденція сказывается и у имябожниковъ, когда они подъ Ипостаснымъ Словомъ разумѣють имя Божіе, т. е. по ихъ пониманію, энергію Божію, а такихъ мѣстъ въ писаніяхъ не мало. Вполнѣ правъ г. Булгаковъ, что въ ученіи о почитаніи именъ Божіихъ никакого сходства между евноміанствомъ и имябожіемъ нѣтъ ¹⁾. Но къ чему же ломиться въ открытыя двери, когда я вовсе и не говорю о сходствѣ въ этомъ пунктѣ, а указываю на сходство ученія имябожниковъ о боголѣнномъ, а не относительномъ почитаніи имени Божія съ раввинскимъ ученіемъ о почитаніи Мемры. Можно бы прибавить, что не мало сходныхъ чертъ представляетъ ученіе имябожниковъ и съ магометанскимъ ученіемъ объ именахъ Божіихъ, стоящимъ въ генетической зависимости отъ раввинизма. Вообще вездѣ внѣ чистаго христіанскаго ученія имябожіе можетъ найти себѣ опору, ибо по сущности своей оно есть одна изъ тѣхъ волнъ

1) Но, съ другой стороны, нѣтъ сходства между ученіемъ о почитаніи имени Божія у имябожниковъ и св. Григорія Нисскаго, ибо первые настаивають, въ отличіе отъ православнаго ученія, что именамъ Божіимъ подобаеть воздавать не поклоненіе, а служеніе, тогда какъ св. Григорій говоритъ именно о *поклоненіи* именамъ Божіимъ (VI. 235), такъ какъ онъ не считаетъ самыхъ именъ Божіихъ благодатью, или энергіей Божіей, а говоритъ, что „*при призваніи* ихъ подается благодать приступающимъ съ вѣрою“ (VI, 232).

іудейско-языческаго суевѣрія, которыя издавна бьютъ скалу ученія церковнаго. Выходки личнаго характера г. Булгакова противъ меня («патентованный спеціалистъ», «услужливый экспертъ прокуроръ докладыбаеть»), я оставляю безъ отвѣта. Насколько умѣстны онѣ въ богословскомъ спорѣ, пусть скажетъ г. Булгакову его чувство такта, но во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ возмѣстить слабости его аргументаціи.

Замѣчу лишь, что моя книга написана еще тогда, когда о судѣ надъ имябожниками въ *Россіи* и рѣчи не было, такъ что о «докладахъ» суду думать было рановато.

С. Троицкій.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу: www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru